

Се Цзыцзин:

— Иногда твои мысли довольно забавные. Милые, но немного наивные.

Цинь Гэ:

— ...Тебя никогда не били за то, что ты говоришь что-то обидное?

Се Цзыцзин:

— Нет, мало кто может меня побить.

Он поднял рубашку, показывая Цинь Гэ свои кубики пресса:

— Я очень крепкий, можешь потрогать и убедиться.

— Не надо, — Цинь Гэ отвернулся, глядя на льва. Ему казалось, что лев гораздо милее, чем пресс Се Цзыцзина. — У меня тоже есть.

Се Цзыцзин приподнял бровь:

— Правда?

Цинь Гэ поставил стакан с водой на стол и свободной рукой коснулся лапы берберийского льва. Ему нравилось, когда его духовная сущность уютно устраивалась у него на ладони, и он мог держать кролика, обхватив его руками. Сейчас обнять этого огромного льва было невозможно, но он мог хотя бы обхватить лапу берберийского льва тем же жестом.

Берберийский лев опустил взгляд на Цинь Гэ. Его выражение было надменным, совсем не таким, как у того зверя, который постоянно зевал при первой встрече, но он не отстранил лапу.

— ...Он такой послушный? — Цинь Гэ было интересно.

Только он произнёс это, как почувствовал, что его талию обхватила рука Се Цзыцзина, проникшая под одеяло.

В ту же секунду в ещё не прояснившемся сознании Цинь Гэ вспыхнул гнев, и он почувствовал, как его «море сознания» снова охватило пламя.

Но прежде чем он успел отреагировать, Се Цзыцзин уже обнял его полностью, слегка наклонившись на диване и чуть не придавив лапу берберийского льва.

— Тебе ещё холодно? — спросил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ сдерживал свой гнев и ярость:

— Это нормальная поза для согревания?

Се Цзыцзин:

— Нет. Я просто пользуюсь моментом.

Лапа берберийского льва убралась, и Цинь Гэ, пытаясь вырваться из объятий Се Цзыцзина, вдруг почувствовал, как лапа мягко опустилась на его голову, легонько похлопав.

Цинь Гэ:

— ...!

Се Цзыцзин за его спиной тихо рассмеялся:

— Он показывает, что ты ему тоже нравишься.

Горячий, сухой ветер пустыни, солнечный свет, смешанный с песком, и даже гулкий шум в ушах — Цинь Гэ снова почувствовал запах феромонов Се Цзыцзина, отчего его и без того слабые конечности стали ещё более вялыми. Но странно, что в этот момент феромоны Стража не вызвали у него чувства агрессии. Они обволакивали Цинь Гэ, и он действительно чувствовал, как его тело постепенно согревается.

— Се Цзыцзин... — Цинь Гэ сдался. Се Цзыцзин просто обнимал его, не делая ничего лишнего, его руки лишь обхватывали талию. — Я правда никогда не был в отношениях.

Он хотел сразу сказать Се Цзыцзину, чтобы тот перестал так с ним обращаться, ведь такая откровенная теплота слишком легко вызывает иллюзии и недоразумения.

Но он не мог грубо разрушить любовные фантазии Се Цзыцзина. Он боялся, что Се Цзыцзин будет ранен.

Се Цзыцзин смотрел на покрасневшие уши и шею Цинь Гэ. Он считал, что уже понял его слова.

— Цинь Гэ, ты потерял память, — уверенно заявил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ:

— ...Нет, это ты сошёл с ума.

Се Цзыцзин снова рассмеялся. Его грудь, казалось, вибрировала от смеха, и Цинь Гэ слегка сжал плечи, чувствуя, как его спина и руки касаются твёрдых мышц Се Цзыцзина.

— Мы уже общались, — низкий голос Се Цзыцзина прозвучал у него в ухе. — Я уверен... когда я увидел тебя, я вспомнил. У меня просто немного проблемы с «морем сознания», но я не сошёл с ума. Я знаю, что такое любовь.

Цинь Гэ:

— ...Значит, ты знаешь, что твоё «море сознания» не в порядке.

Се Цзыцзин улыбнулся:

— Совсем чуть-чуть, но это не мешает нам встречаться.

Цинь Гэ:

— Какие именно проблемы с твоим «морем сознания»? И кто сказал, что мы будем встречаться?

Се Цзыцзин слегка сжал руки, и Цинь Гэ уже не мог вырваться.

— Я хороший человек, — он не ответил ни на один вопрос Цинь Гэ, а просто повторил это. — Ты мне нравишься.

Цинь Гэ не знал, был ли он сейчас настолько слаб, что не смог поставить защитную стену, или же странное признание Се Цзыцзина действительно его тронуло, но он не чувствовал отвращения или печали.

Он чувствовал лишь грусть. За Се Цзыцзина, который ничего не понимал, и за себя, который был немного тронут.

Если бы сострадание могло превратиться в любовь, то в этот момент он, возможно, полюбил бы Се Цзыцзина.

Они больше ничего не говорили. Внимание Цинь Гэ было полностью поглощено словами Се Цзыцзина и его львом, и он временно забыл о Цай Миньюэ и больнице, стараясь вспомнить всё, что знал, чтобы найти способ разрушить любовные иллюзии Се Цзыцзина.

Лев иногда мягко похлопывал его по голове, а затем своего хозяина. Он был как глава семьи, утешающий своих детей.

...Лев даже добрее моего кролика. Цинь Гэ постепенно перестал чувствовать холод. Он заснул в объятиях Се Цзыцзина.

Бай Сяюань и Тан Цо пришли, когда Цинь Гэ ещё спал. Се Цзыцзин, который страдал от хронического недосыпа, тоже заснул вскоре после того, как уснул Цинь Гэ.

Когда Бай Сяюань позвонила, он был погружён в долгожданный глубокий сон, в котором видел сложные и трудноописуемые сны. Разбуженный звонком, Се Цзыцзин был раздражён, ведь Цинь Гэ в его объятиях был так тёпл, что он не хотел отпускать.

Звонок разбудил и Цинь Гэ, который, открыв глаза, обнаружил, что Се Цзыцзин наклонился и быстро поцеловал его в нос.

Цинь Гэ:

— ...

Он почувствовал, что отдохнул, и его руки наполнились силой, чтобы ударить кого-то.

Но Се Цзыцзин уже вскочил на ноги, с радостным выражением лица схватил телефон и вышел, отвечая на звонок.

Бай Сяюань и Тан Цо были внизу, оба бледные от волнения:

— Как Цинь Гэ? Мы опоздали?

Се Цзыцзин:

— Нет, вы пришли слишком рано.

Бай Сяюань и Тан Цо вернулись в Кризисное бюро, каждый получил нужную информацию как можно быстрее.

Тан Цо принёс свой компьютер, он искал в архиве материалы о 267-й больнице тридцатилетней давности, но, так как их нельзя было выносить, он сначала сфотографировал их на телефон.

В Кризисном бюро хранилось не так много медицинских документов, и Тан Цо загрузил все фотографии в компьютер, чтобы показать остальным троим.

Они все сидели в тесной гостиной Цинь Гэ, и Тан Цо с любопытством спросил, почему Се Цзыцзин держится за живот. Тот, скривившись, ответил:

— Потому что я зашёл слишком далеко и получил по заслугам.

Его лев уже исчез. Цинь Гэ спокойно сидел на диване, а когда Се Цзыцзин попытался сесть рядом, он поднял барханного кота, сидящего рядом с Бай Сяюань, и блокировал его движение.

Се Цзыцзин недовольно сел на ковёр, глядя на Цинь Гэ.

Слева от Цинь Гэ была панда, обхватившая его руку, а справа — барханный кот, обвившийся вокруг его запястья. Он выглядел как развратный правитель, который только и делал, что гладил кошек и медведей, совершенно забыв о работе.

— Большинство документов, которые 267-я больница отправила в Кризисное бюро, — это хроники событий, примерно по одной книге в год. Ценного там мало, но я нашёл кое-что интересное, — Тан Цо открыл одну из фотографий. — Цай Миньюэ стала заместителем директора больницы только после рождения Цай И. Посмотрите на это.

На старой фотографии Цай Миньюэ пожимала руку человеку, похожему на начальника.

— Это директор 267-й больницы в то время, — Тан Цо открыл кучу протоколов заседаний. — Он шесть раз предлагал закрыть операционную № 6 и снять Цай Миньюэ с должности врача-гинеколога. Но все шесть раз его предложения были отклонены.

Цинь Гэ, оторвавшись от панды и барханного кота, спросил:

— Этот директор знал, что делает Цай Миньюэ?

— Скорее всего, — Тан Цо вытер несуществующий пот со лба. То, что он нашёл, пугало даже его. — Но больница тогда не могла ничего сделать с Цай Миньюэ. В то время 267-я больница была связана с несколькими скандалами о врачебных ошибках, и её репутация была уже сильно подорвана. Если бы тогда раскрылось, что делает Цай Миньюэ, больница могла бы мгновенно рухнуть, и ни один из высших руководителей больницы, сменявших друг друга, не хотел брать на себя ответственность.

Это была единственная в стране больница, специализировавшаяся на лечении особых людей, и Комитет по делам особых людей должен был её сохранить.

<http://bllate.org/book/15560/1384493>